

The image is a painting of a cityscape viewed through a window. The window frame is made of dark wood and is heavily decorated with autumn leaves in shades of brown, orange, and yellow. The cityscape is a dense collection of buildings with red-tiled roofs, interspersed with taller structures, including a prominent church with a tall, dark spire. In the background, rolling hills are visible under a sky filled with large, white, billowing clouds. A river or canal flows through the lower part of the city. The overall style is that of a classical oil painting, with a focus on light and atmospheric perspective.

Александр Восьмой

**СКАЗКА Окно правды
(Оптима Окси Фаргус)**

Александр Восьмой

СКАЗКА Окно правды (Оптимизм Оксид Фаргус)

<https://litres.ru/74092663>

SelfPub; 2026

Аннотация

На окраине города стоит окно, через которое видна не внешность, а суть вещей: ложь становится серой, страх — тяжёлым, а любовь светится тёплым светом. Герой сталкивается с тем, что не все готовы увидеть правду, даже когда она прямо перед глазами. Политическая сатира. Царь Вонда смотрит в окно за политиками. Окно показывает правду. На окраине города стоит окно, которое не показывает пейзажи — оно срывает маски. Ложь становится серой пылью, страх — тяжёлым камнем, а любовь светится тёплым светом. Царь Вонда использует его как главный инструмент управления: он видит, кто врёт на совете, кто боится заговора, а кто искренне предан. Но чем чаще смотришь на правду, тем меньше хочется оставаться на троне. Министры решают, что окно — это неудобство, которое нужно нейтрализовать. Они пробуют занавески, заклинания, дымовые шашки и даже меняют освещение в зале. Царь Вонда наблюдает за этим фарсом и всё чаще задаётся вопросом: а есть ли хоть один честный чиновник в его государстве?

Александр Восьмой

СКАЗКА Окно правды

(Оптима Окси Фаргус)

Глава 1. «Окно на окраине: первый взгляд»

Утро в королевстве Вондария выдалось на редкость душным. Солнце висело над городом, будто раскалённая медная монета, и даже тени казались уставшими — они жались к стенам, не решаясь лечь пошире. Царь Вонда, облачённый в мантию, которая, по задумке портного, должна была внушать трепет, а на деле всё время цеплялась за подлокотники трона, чувствовал себя особенно неудобно. Его тяготили не столько государственные дела, сколько ощущение, что все вокруг говорят не то, что думают.

В тот день он решил сбежать. Не из королевства — это было бы слишком драматично, — а хотя бы из дворца. Вонда велел подать простую дорожную накидку (чем вызвал тихий ужас у придворных) и отправился бродить по окраинам города, где крыши домов были ниже, а взгляды прохожих — прямее.

Он шёл мимо покосившихся заборов, мимо лотков с вяленой рыбой и сушёными травами, мимо мальчишек, которые, завидев его, тут же прекращали галдеть и вытягивались в струнку. Вонда махал им рукой, мол, идите себе, не надо

церемоний, и мальчишки, переглянувшись, снова принимались кричать — но уже с облегчением.

И вот, в самом конце узкой улочки, за старым сараем, который, казалось, держался на честном слове и паре ржавых гвоздей, он увидел его. Окно.

Оно не было ни особенно большим, ни красивым. Рамма потемнела от времени, стекло местами помутнело, будто помнило слишком много чужих взглядов. Но было в нём что-то такое, отчего Вонда остановился, будто натолкнулся на невидимую стену.

Царь подошёл ближе и заглянул внутрь. И ничего не увидел. То есть буквально: ни комнаты, ни мебели, ни человека. Только своё отражение — усталое, с чуть нахмуренными бровями. Он уже хотел отвернуться, решив, что это просто старое, никому не нужное окно, как вдруг что-то изменилось.

Воздух перед стеклом дрогнул, словно от жара, и отражение поплыло, как рябь на воде. А потом... потом Вонда увидел не себя. Он увидел суть.

На стекле проявились едва заметные оттенки. Там, где в его мыслях мелькала лёгкая усталость, проступил тёплый, золотистый свет — не яркий, но уютный, как отблеск камина в холодный вечер. А там, где он сам себе лгал — например, убеждая себя, что всё в королевстве идёт хорошо, — лёг тонкий слой серой пыли. Она оседала медленно, почти лениво, но неотвратно, и Вонда невольно провёл рукой по

плечу, будто пытаюсь её смахнуть.

Он отшатнулся, моргнул, снова посмотрел — и пыль никуда не делась. Более того, она будто стала гуще.

— Это... что за фокусы? — пробормотал Вонда, оглядываясь в поисках шутника. Но улица была пуста. Только ветер шелестел сухими листьями да где-то вдалеке лаяла собака.

Тогда он решил проверить.

Вернувшись во дворец, Вонда первым делом позвал советника Плимма — человека, известного своей способностью говорить «всё хорошо» даже тогда, когда рушились мосты и горели амбары.

— Плимп, — сказал Вонда, стараясь звучать буднично, — расскажи, как обстоят дела с запасами зерна.

Плимп расплылся в улыбке, которая всегда казалась Вонде подозрительно симметричной.

— Ваше величество, запасы превосходны! Мы не просто обеспечены до весны — мы можем прокормить ещё два соседних королевства, если понадобится!

Слова звучали гладко, как отполированный камень. Но стоило Вонде перевести взгляд на окно (он велел принести его в тронный зал, чем вызвал переполох среди слуг), как воздух перед стеклом снова дрогнул. И на Плимме, прямо на его безупречно отутюженном камзоле, начала оседать серая пыль. Тонкая, невесомая, но совершенно очевидная.

Плимп вдруг замер на полуслове, потом нервно дёрнул плечом, потом ещё раз, а затем принялся отчаянно отряхи-

вать рукава, будто на него насыпали муку.

— Что-то... что-то село на меня, — пробормотал он, избегая смотреть Вонде в глаза.

Вонда с трудом сдержал улыбку.

— Да, Плимп, — мягко сказал он. — Что-то село.

Советник поднял глаза, увидел выражение лица царя и вдруг побледнел так, что даже пудра не спасла.

— Я... я, возможно, немного преувеличил насчёт зерна, — признался он, глядя в пол. — На самом деле у нас... ну, скажем так, есть небольшой дефицит. Совсем небольшой.

— Совсем небольшой, — повторил Вонда, глядя, как серая пыль на Плимме начинает таять, уступая место едва заметному серовато-жёлтому оттенку — не то чтобы честности, но хотя бы попытки быть ближе к правде.

Остаток дня прошёл в череде экспериментов. Вонда подзывал то одного, то другого придворного и просил рассказать что-нибудь: о погоде, о налогах, о любимых пирогах. Окно не подводило: ложь оседала пылью, страх тяжелел, словно наливался свинцом, а редкие искры искренности — вроде признания повара, что он тайком добавляет в королевский суп щепотку острого перца, — светились тёплым, живым светом.

К вечеру Вонда сидел в кресле, уставший, но странно воодушевлённый. Окно стояло перед ним, молчаливое и спокойное, будто знало, что сегодня оно перевернуло целую жизнь.

«Так вот как выглядит правда, — думал Вонда, разглядывая едва заметный отблеск на стекле. — Не громкая, не торжественная. Просто... настоящая».

Он ещё не знал, что уже завтра министры объявят окно «неудобным фактором», а к полудню начнут придумывать способы его нейтрализовать. Но сегодня он просто смотрел в него — и впервые за долгое время чувствовал, что видит мир таким, какой он есть.

Глава 2. «Тронный зал под микроскопом»

Тронный зал Вондании славился своей монументальностью: колонны упирались в потолок, будто пытались его приподнять, тяжёлые бархатные портьеры висели так плотно, что даже шёпот казался здесь государственной тайной, а трон Вонды был настолько массивным, что, по слухам, его собирали три поколения плотников. Но в тот день всё величие зала померкло перед одним скромным предметом — окном.

Его поставили прямо перед троном, чуть наискось, чтобы свет падал правильно. Слуги, переглядываясь, шептали, что это дурная примета — ставить окно в закрытом помещении, но спорить с царём никто не решился. Да и Вонда, хоть и старался держаться невозмутимо, сам чувствовал, как по спине пробегает лёгкий холодок: сегодня он собирался заглянуть не в отчёты, а в души.

Совет министров собрался в полном составе. Министры

выстроились в полукруг, как на параде: мундиры отутюжены до хруста, ордена блестят, лица — образцы серьёзности и преданности. Только глаза у всех были чуть слишком широко раскрыты, а пальцы нервно теребили края бумаг.

Вонда сел на трон, выпрямился и кивнул:

— Начнём. Министр сельского хозяйства, прошу.

Министр Шагг, плотный мужчина с румяными щеками, шагнул вперёд, прокашлялся и начал бодро:

— Ваше величество, урожай в этом году превзошёл все ожидания! Поля ломаются от зерна, сады — от фруктов, а коровы дают столько молока, что мы всерьёз думаем построить второй молочный дворец!

Слова лились, как мёд, но стоило Вонде перевести взгляд на окно, как воздух перед стеклом дрогнул. И на Шагге, прямо на его парадном мундире, начала оседать серая пыль. Сначала тончайшим слоем, едва заметным, потом всё гуще, будто кто-то невидимый встряхивал над ним мешок с пеплом.

Шагг вдруг замолчал на полуслове, поёжился, провёл рукой по плечу, потом по груди, потом снова по плечу.

— Простите, Ваше величество, — пробормотал он, — кажется, тут... сквозняк. Очень пыльный сквозняк.

Вонда сдержал улыбку.

— Продолжайте, министр. Расскажите подробнее про молочный дворец.

Шагг сглотнул, посмотрел на коллег, будто ища поддерж-

ки, и снова заговорил, но уже не так уверенно:

— Ну, дворец... он пока в проекте. А урожай... ну, скажем так, не то чтобы ломится, но держится. Держится достойно.

Серая пыль на нём стала чуть тоньше, будто признанная ложь теряла вес.

Следующей выступала министр торговли Лисса — женщина с острым взглядом и привычкой говорить так, будто каждое слово стоит золотых монет.

— Торговля процветает! Мы экспортируем столько товаров, что соседние королевства уже просят нас... немного сбавить обороты, чтобы их рынки не рухнули от изобилия!

Окно не дрогнуло — оно просто спокойно показало правду: на Лиссе серая пыль легла тяжёлым, плотным слоем, будто мокрый песок. Она почувствовала это почти сразу: начала нервно одергивать платье, потом постукивать пальцами по папке, потом вообще спрятала руки за спину.

— Тут действительно очень пыльно, — заявила она, оглядываясь с видом человека, который нашёл оправдание всему на свете. — Надо бы позвать уборщиков.

— Позже, — спокойно ответил Вонда. — Сейчас важнее цифры.

Дальше шёл министр обороны Круг — громадный мужчина с голосом, способным, по его собственному утверждению, останавливать вражеские армии одним «кхм». Он начал с привычной бравады:

— Армия готова ко всему! Мы можем отразить любое вторжение, завоевать три королевства и ещё успеть к ужину!

Но на этот раз окно показало не серую пыль, а нечто иное: вокруг Крога воздух словно потяжелел, стал густым, как кисель, и в нём проступили тёмные, свинцовые сгустки. Страх. Тяжёлый, липкий, осязаемый.

Крог вдруг замолчал, посмотрел на свои огромные кулаки, потом на Вонду, потом куда-то в угол, где мирно висела паутина.

— То есть... мы готовы, — уточнил он уже тише. — Ну, в пределах разумного. И если враг не будет слишком... настойчивым.

Вонда впервые не сдержал улыбки.

— Спасибо, Крог. Очень честно.

Министры переглянулись. В их взглядах читалось не столько раскаяние, сколько паника: они не понимали, что происходит, но чувствовали, что их маски сползают, и это было страшнее любого указа.

Последним выступал казначей Плимм — тот самый, который ещё вчера уверял, что с зерном всё прекрасно. Сегодня он держался так, будто шёл по минному полю.

— Финансы... в порядке, — начал он, глядя строго в одну точку над головой Вонды. — Бюджет сбалансирован, долги под контролем, резервы растут...

Серая пыль на нём поднялась вихрем, закружилась в воздухе и осела не только на мундире, но и на папке с отчётами,

превратив её в нечто, напоминающее старый чердак.

Плимм замолчал, моргнул, потом осторожно потрогал папку.

— Это не я, — быстро сказал он. — Это... окно. Оно какое-то пыльное. Надо протереть.

Вонда откинулся на спинку трона и посмотрел на своих министров. Они выглядели нелепо и трогательно одновременно: важные, напуганные, отчаянно цепляющиеся за свои привычные роли.

— Знаете, что я понял сегодня? — спокойно произнёс царь. — Что самое опасное в управлении королевством — это не враги и не неурожай. Это привычка верить в собственные отчёты.

Министры замерли.

— Но не переживайте, — добавил Вонда с лёгкой усмешкой. — Мы научимся. Даже если для этого придётся каждый день устраивать «сеанс правды».

И тут министр Лисса, которая до этого момента старалась выглядеть невозмутимой, вдруг тихо спросила:

— А если... если кто-то скажет правду сразу? Без пыльных эффектов?

Вонда посмотрел на окно. И в ту же секунду на Лиссе, поверх серой пыли, вспыхнул тонкий, едва заметный золотистый отсвет — тёплый, спокойный, как луч солнца на холодной стене.

Все замерли. Даже пыль, казалось, осела тише.

— Тогда, — мягко ответил Вонда, — мы увидим свет. И это будет самое ценное, что есть в этом зале.

Остаток совета прошёл в странной, почти благоговейной тишине. Министры говорили теперь осторожнее, подбирая слова, будто впервые почувствовали их вес. А окно стояло перед тронном — скромное, старое, с потемневшей рамой, — и показывало правду, не торопясь, не крича, но так ясно, что не заметить её было уже невозможно.

И Вонда понял: он не просто получил инструмент для контроля. Он получил зеркало. Неудобное, беспощадное, но удивительно честное. И теперь предстояло самое сложное — научиться смотреть в него не только на других, но и на себя.

Глава 3. «Занавески, заклинания и дымовые шапки»

После памятного «сеанса правды» в тронном зале во дворце воцарилась странная атмосфера. Министры ходили по коридорам, будто ступали по яичной скорлупе: говорили тише, смотрели в сторону, а если и встречались взглядами — тут же отводили глаза. Окно, по-прежнему стоявшее перед тронном, казалось, стало тяжелее: не физически, а морально. Оно будто давило на совесть, и эта тяжесть была невыносима.

На тайном совещании, которое устроили в кладовой для специй (потому что там, по мнению министра обороны Крога, «никто не подслушает — слишком пахнет тмином»), ми-

нистры наконец произнесли вслух то, о чём думали все:

— Окно — это неудобный фактор, — прошипел казначей Плимм, нервно теребя пуговицу на мундире. — Оно мешает управлению!

— Оно подрывает авторитет власти, — добавила министр торговли Лисса, глядя на дверь так, словно ожидала, что окно вот-вот войдёт следом и покажет её собственные мысли.

— Надо его... нейтрализовать, — выдохнул министр Шагг, и в комнате повисла тишина, нарушаемая только тихим шуршанием мыши где-то за мешками с горохом.

План родился стремительно и с пугающей изобретательностью.

Первым пунктом стали занавески.

Уже к полудню в тронный зал внесли рулоны ткани такой плотности, что, по словам портного, «даже солнечный зайчик не проскочит». Портьеры повесили прямо перед окном, тяжёлые, бархатные, тёмно-бордовые с золотой каймой — вполне в дворцовом стиле. Министр Лисса лично проверяла, чтобы не осталось ни малейшей щели.

— Вот, — довольно произнесла она, отступая на шаг и любясь результатом. — Теперь никакой правды. Только благородная тень и ощущение порядка.

Вонда, наблюдавший за этим с трона, лишь приподнял бровь.

— А если я захочу посмотреть в окно?

— Ну... вы можете не хотеть, — неуверенно предложила

Лисса.

Царь хмыкнул, встал, подошёл к занавескам и одним движением отдёрнул их.

Окно стояло на месте, спокойное и невозмутимое. И стояло Вонде бросить на него короткий взгляд, как сквозь плотную ткань начала проступать серая пыль — она словно просачивалась сквозь волокна, оседая на бархате причудливыми узорами.

Министры замерли.

— Это... вентиляция плохая, — быстро сказал Плимм.

— Да-да, — подхватил Шагг. — Очень пыльная вентиляция.

Но пыль не слушала оправданий. Она продолжала оседать — на полу, на сапогах, на усах Круга.

Следующим пунктом плана стало волшебство.

Придворный маг Зорб был человеком скромным, предпочитал работать с травами и предсказаниями по чаинкам, а не с серьёзной магией. Но когда к нему ворвались министры с криками «Срочно нужно заклятие тишины, чтобы окно ничего не показывало!», он только вздохнул и поправил шапочку с вышитой звездой.

— Понимаете, — робко начал он, — магия правды — это... ну, это как пытаться заткнуть родник подушкой. Можно, конечно, но ненадолго.

— Нам ненадолго, — жёстко отрезала Лисса. — Нам нужно, чтобы оно перестало показывать ложь хотя бы на время

утреннего доклада.

Зорб почесал нос, пробормотал несколько слов, которые, по его мнению, звучали достаточно магически, взмахнул палочкой (на самом деле это была ветка, обёрнутая фольгой) и торжественно объявил:

— Готово! Окно теперь не видит сути! Оно видит только фасады!

Министры переглянулись с надеждой.

Вонда снова подошёл к окну.

И в ту же секунду серая пыль осела прямо на магическую палочку Зорба, превратив фольгу в нечто, напоминающее старый, потрёпанный дождями плащ. Маг побледнел.

— Или... почти готово, — пробормотал он. — Может, нужно ещё одно заклинание?

— Не надо, — спокойно сказал Вонда, сдерживая улыбку. — Я уже всё вижу.

Третьим и самым отчаянным пунктом плана стали дымовые шашки.

Эту идею подал Круг, который считал, что любую проблему можно решить либо силой, либо дымом.

— В бою мы всегда используем дымовую завесу, — убеждённо заявил он. — Враг не видит нас — мы побеждаем. Окно не увидит сути — суть останется тайной. Логично!

Логика была сомнительной, но министры ухватились за неё, как за спасательный круг.

Дым заполнил тронный зал стремительно, густыми клу-

бами, пахнувшими жжёной соломой и чем-то подозрительно похожим на подгоревший пирог. Уже через минуту в зале нельзя было разглядеть собственной руки, не то что окна.

— Идеально! — прохрипел Плимп, кашляя. — Теперь оно ничего не покажет!

Но стоило дыму немного осесть, как в воздухе проявились знакомые очертания: серая пыль кружилась в клубах дыма, словно танцуя, и оседала на всём подряд — на париках, на орденах, на носсах. А вокруг министров сгущались тяжёлые, свинцовые тени страха — они становились почти осязаемыми, будто холодный туман, который лип к коже.

Крог, стоявший ближе всех к окну, вдруг попятился.

— Я... я не боюсь, — пробормотал он, хотя его колени говорили обратное — они подрагивали так, что даже в дыму было заметно.

— Конечно, не боишься, — мягко сказал Вонда, выходя из дымовой завесы, как капитан из шторма. — Просто у тебя сапоги скользкие.

Министры, закашлявшись, начали выбираться из дыма, похожие на призраков, вываливавшихся в муке. Их величественные мундиры покрылись слоем серой пыли, а лица выражали смесь ужаса и отчаяния.

— Может... может, мы просто будем говорить правду? — робко предложил Зорб, выглядывая из-за собственного рукава.

Все уставились на него.

— Ты с ума сошёл? — воскликнул Плимп. — Это же невозможно!

— Почему невозможно? — спокойно спросил Вонда, подходя к окну и глядя сквозь него — не на министров, а куда-то дальше, будто видел сквозь стены, сквозь дым, сквозь все их уловки. — Правда — это не враг. Она просто... неудобная. Как жёсткий стул или слишком яркое солнце. Но жить без неё — всё равно что править королевством с завязанными глазами.

Министры молчали. Даже Круг перестал кашлять.

А окно стояло перед ними — старое, простое, с потемневшей рамой — и продолжало показывать правду. Не громко, не агрессивно, но так настойчиво, что игнорировать её становилось всё труднее.

В тот день министры не придумали нового плана. Они разошлись по своим кабинетам, отряхивая пыль с мундиров и стараясь не смотреть друг другу в глаза. А Вонда остался в тронном зале, глядя в окно. И впервые подумал: может быть, самое сложное в правлении — это не принимать решения, а быть готовым услышать, почему они плохие.

Глава 4. «Бюрократическая завеса»

Утро в тронном зале началось не с труб и фанфар, а с грохота. Огромный дубовый стол Вонды содрогнулся, когда на него с торжественным видом водрузили первую стопку бумаг. За ней последовала вторая, потом третья, потом ещё од-

на — и ещё, и ещё, пока стол не превратился в подобие горного хребта, сложенного из пергамента, сургучных печатей и лент.

Министр Плимп стоял рядом, гордо выпятив грудь, будто лично родил каждую из этих бумаг.

— Ваше величество, — произнёс он с интонацией, которой обычно объявляют о победе в великой войне, — это отчёты. Все отчёты. Отчёты о отчётах. Сводные, уточнённые, предварительные и окончательные. А также пояснительные записки к пояснительным запискам.

Вонда посмотрел на эту бумажную лавину, потом на окно, которое по-прежнему стояло перед троном, невозмутимое, как скала посреди бури, и медленно приподнял бровь.

— И зачем мне всё это?

— Чтобы вы могли принимать решения на основе полной информации, — быстро вставил Шагг, нервно поправляя манжету.

— А ещё, — добавила Лисса, стараясь говорить как можно убедительнее, — чтобы окно... ну, было занято. Понимаете, столько документов — оно просто не успеет показывать правду по каждому пункту. Это как пытаться разглядеть звёзды, когда перед глазами держат целую библиотеку.

Вонда снова перевёл взгляд на гору бумаг. Где-то под ними, наверное, пряталась поверхность стола. А может, и сам стол уже сдался и ушёл в отставку.

— То есть вы придумали бюрократическую завесу, — спо-

койно подытожил царь.

Министры переглянулись. Кто-то кашлянул. Кто-то сделал вид, что поправляет воротник.

— Мы называем это «комплексным документооборотом»,
— пробормотал Плимм.

Вонда вздохнул, сел на трон и взял первый лист. Он был озаглавлен «Предварительный черновик проекта ориентировочного плана по предварительной оценке потенциальных рисков в сфере гипотетического прогнозирования урожайности».

Царь прочитал заголовок. Потом перечитал. Потом посмотрел на Плимма так, будто видел его впервые.

— Это про зерно? — уточнил он.

— В перспективе — да, — кивнул Плимм.

Вонда положил лист на колено, бросил короткий взгляд на окно — и тут же заметил, как над стопкой бумаг дрогнул воздух. Серая пыль начала медленно оседать на верхний лист, покрывая его тонким, почти невесомым слоем. Она ложилась на буквы, на печати, на ленты, превращая официальный документ в нечто, напоминающее старый пергамент, пролежавший сто лет в подвале.

Плимм этого не видел. Или делал вид, что не видит.

— Дальше у нас идёт отчёт о состоянии дорог, — продолжал он бодро. — Он состоит из трёх частей: текущая ситуация, предполагаемая ситуация и желаемая ситуация. А также приложение А, приложение Б и приложение В, где описаны

возможные сценарии развития событий при различных погодных условиях, включая те, которые ещё не изобретены природой.

С каждым словом серая пыль на бумагах становилась гуще. Она уже не просто оседала — она кружилась в воздухе, будто танцевала под неслышную музыку, и ложилась на папки, на ленты, на сургучные печати, словно сама суть этих отчётов была не в информации, а в умении скрывать пустоту за словами.

Шагг, заметив, что Вонда смотрит не столько на бумаги, сколько на окно, поспешил добавить:

— Но всё это очень важно! Без этих документов управление невозможно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.